

умозрительной мысли, что на немъ нельзя выразить *возникновенія* (le devenir, das Werden); что ему свойственно выражать только результаты, послѣдствія; благодаря прозрачной ясности языка, на немъ все принимаетъ видъ кристаллизаціи, и пр. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ умомъ германскаго склада, и притомъ въ крайнемъ его выраженіи. Несмотря на то, въ современной французской критикѣ онъ нашелъ сильный отголосокъ и возбудить симпатіи; прежде онъ, вѣроятно, подвергся бы осмѣянію или былъ бы непонятъ, теперь же встрѣтилъ не снисходительную, а положительную оцѣнку. Его неоднократно называли „мученикомъ идеала“, а безпокойную пытливость его, при недостаткѣ творческой силы, „болѣзнью идеала“. Разборъ его произведеній, болѣе чѣмъ самый дневникъ его, является знаменіемъ времени.

Бурже, говоря о возрастающемъ господствѣ нѣмецкаго мышленія, видитъ слѣды его, а именно гегеліянства, даже въ Тѣтѣ, блестящемъ французскомъ критикѣ. Но качества латинскаго ума дали яркое выраженіе и абсолютное значеніе тому, чтѣ у Гегеля только таится въ зародышѣ. Что истину абсолютную легче популяризировать, чѣмъ истину относительную, вполне очевидно. Но не трудно предвидѣть, что новые взгляды и приемы въ критикѣ со временемъ будутъ служить коррективомъ его воззрѣній, большая сумма основныхъ данныхъ поведетъ къ ограниченію системы, и абсолютность его приѣма сдѣлаетъ уступки относительности первоначальнаго положенія. Интересно прослѣдить за філіаціей тѣхъ идей, которыя дали право гражданства во Франціи произведеніямъ сѣвернаго творчества. Когда возникли эти идеи и когда усилились онѣ? Кто первые и крупнѣйшіе представители тѣхъ космополитическихъ тенденцій, которыя теперь составляютъ явленіе обыденное?

Въ лицѣ Аміеля Швейцарія не въ первый разъ является посредницей между Германіей и Франціей. Въ Швейцаріи рѣзкія особенности обѣихъ націй ступшеваются, контрасты нейтрализуются, а иногда сочетаются. Швейцаріи принадлежатъ также Руссо и г-жа Сталь.

Но первымъ представителемъ новаго направленія является Дидро, котораго уже современники называли „самымъ нѣмецкимъ умомъ во Франціи“.

Итакъ, мы уже въ XVIII-мъ вѣкѣ находимъ тѣ самобытные умы, которые, опередивъ время, толкнули мысль на новую колею, съ инициаторской силой сдѣлались вожаками ея, несмотря на парадоксы и крайности, въ которые такъ часто вдавались. По словамъ Каро (въ его: „Fin du XVIII-ème s.“), изъ двухъ главныхъ